

**GREAT
& TRUE**

Серия книг «GREAT&TRUE»
Великие истории, которые потрясли мир

МАРКУС ЛАТТРЕЛЛ
ПАТРИК РОБИНСОН

УЦЕЛЕВШИЙ

**ИСТОРИЯ ЕДИНСТВЕННОГО ВЫЖИВШЕГО
В ТРАГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ
«КРАСНЫЕ КРЫЛЬЯ»**

БОМБОРА™
Москва 2018

УДК 94(581)"2005"
ББК 63.3(5Афг)
Л27

LONE SURVIVOR
by Marcus Luttrell
with Patrick Robinson

Латтрелл, Маркус.

Л27 Уцелевший : история единственного выжившего в трагической операции «Красные крылья» / Маркус Латтрелл, Патрик Робинсон ; [пер. с англ. Д. Д. Тиликановой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (GREAT&TRUE. Великие истории, которые потрясли мир).

ISBN 978-5-699-94531-3

Июль 2005 года. Спецоперация морских котиков в Афганистане. Задание не из легких — ликвидировать лидера талибов Ахмада Шаха. На слезку за ним было потрачено около месяца, но настоящая работа предстояла именно в открытом бою. Все шло по плану, пока отряд не наткнулся на отряд пастухов. Гражданских решили не убивать, но именно это и погубило пехотинцев.

«Уцелевший» — реальная история Маркуса Латтрелла, единственного выжившего в этой кровавой бойне. Тяжело раненный, с парализованными ногами и кровоточащими руками Латтрелл чудом спасся. На родине его считают героем, но сам он считает по-другому — в своей книге Маркус подробно описывает ход операции, попутно размышляя о самом смысле войны. Станет ли мир лучше, если уничтожить каждого талиба, несмотря ни на что? «Цель оправдывает средства» — действительно ли этот принцип работает на поле боя? Латтрелл нашел ответы на эти вопросы.

«Я не храбрец. Я просто патриот».

**УДК 94(581)"2005"
ББК 63.3(5Афг)**

ISBN 978-5-699-94531-3

© Copyright 2007 by Marcus Luttrell
© Тиликанова Д.Д., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Эта книга посвящается памяти Мерфа, Акса и Дэнни, Кристенсена, Шейна, Джеймса, Сениора, Джефа, Жака, Тейлора и Мака.

Это одиннадцать бойцов взводов «Альфа» и «Эхо», с которыми мне выдалась честь служить моей стране, которые сражались и погибли в горах Афганистана, пытаясь спасти мне жизнь. Не проходит и дня, чтобы я не вспоминал их всех с сердечной признательностью и самой глубокой разрывающей душу скорбью.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
<u>Глава 1</u>	
В Афганистан... на летающем складе	13
<u>Глава 2</u>	
«Морские котята»... и большие аллигаторы	41
<u>Глава 3</u>	
Школа воинов	73
<u>Глава 4</u>	
Добро пожаловать в ад, джентльмены	103
<u>Глава 5</u>	
Словно остатки разгромленной армии	131
<u>Глава 6</u>	
«Пока, чуваки, задайте им жару»	151
<u>Глава 7</u>	
Огненная лавина	183
<u>Глава 8</u>	
Последняя битва за скалу Мерфи	211
<u>Глава 9</u>	
Оглушен, ранен, предположительно мертв	237
<u>Глава 10</u>	
Американский беглец, загнанный в угол Талибаном	263
<u>Глава 11</u>	
Сообщения о моей смерти сильно преувеличены	289
<u>Глава 12</u>	
«Два-два-восемь! Это два-два-восемь!»	311

Эпилог

Одинокая звезда Техаса	339
Послесловие от Патрика Робинсона	343
Благодарности	345
Об авторах	347

ПРОЛОГ

Интересно, когда-нибудь станет проще? Ездить от одного дома к другому, с одного шоссе на другое, из одного штата в другой? Пусть и не так уж далеко. И вот опять за рулем взятого напрокат внедорожника я еду по очередной главной улице мимо магазинов и заправок очередного, на этот раз небольшого города, продуваемого всеми ветрами, расположенного на южном побережье Лонг-Айленда, в штате Нью-Йорк, на длинных пляжах Атлантического океана. Приближается зима. Небеса переливаются платиновыми оттенками. Барашки пляшут по волнам под покровом нависающих темных туч. Погода очень подходит к моему настроению, ведь на этот раз все будет хуже, чем обычно. Гораздо хуже.

Я нашел заранее выбранный ориентир — местное почтовое отделение, заехал за него и припарковался. Мы вышли из машины и окунулись в прохладу ноябрьского полудня. Под ногами кружили обрывки желтых листьев. Никто не хотел идти первым, ни один из пяти мужчин, приехавших сюда, так что несколько мгновений мы просто стояли на месте, словно группа почтальонов, вышедших на перекур.

Я знал, куда идти. Дом был всего в нескольких метрах от нас. В определенной степени я уже переживал подобное — в Южной Калифорнии, в Северной Калифорнии, в Неваде. И за следующую неделю мне еще предстоит съездить в Вашингтон и в Вирджинию-Бич. И очень многое остается абсолютно одинаковым.

Всегда будет такая знакомая глубокая печаль, такая обескураживающая боль, которая возникает у родных, когда молодые парни погибают в расцвете лет. Одинаковое чувство опустошенности в каждом из этих домов. Все те же слезы, которые просто невозможно контролировать. То же чувство отчаяния у тех людей, которые изо всех сил стараются оставаться сильными, но жизни которых в одночасье разлетелись в прах. Та же безутешность. Та же скорбь.

Как и раньше, здесь я был мрачным вестником ужасных событий — будто никто не знал правду до моего приезда, хотя прошло уже столько недель и месяцев после стольких похорон. И для меня этот визит сюда, на Лонг-Айленд, будет самым ужасным.

Я пытался держать себя в руках. Но снова и снова у меня в голове слышался ужасный, жуткий вопль, который так часто будит меня ночами, преследуя во снах, словно в доказательство моей вины. Бесконечной вины единственного оставшегося в живых.

«Помоги мне, Маркус! Пожалуйста, помоги!»

Это была отчаянная мольба из сердца вражеских гор. Это был крик, отражавшийся эхом в высоких каньонах одного из самых уединенных уголков Земли. Это был яростный, почти нечеловеческий вопль смертельно раненного живого существа. На эту мольбу я не смог ответить. И до сих пор не могу этого забыть, потому что она исходила из уст одного из самых замечательных людей, которых я встречал в своей жизни — из уст моего лучшего друга.

Все визиты были для меня тяжелыми. Сестра и жена Дэна, которые изо всех сил старались поддержать друг друга; отец Эрика — адмирал, оставшийся наедине со своей скорбью; невеста и отец Джеймса; жена и друзья семьи Акса; убитая горем мать Шейна в Лас-Вегасе. На всех было тяжело смотреть. Но в этот раз будет еще тяжелее.

Наконец я прошел через вихрь листьев и ступил на холодную, незнакомую улицу, ведущую к небольшому домику с маленьким садом и уже давно не стриженным газоном. Но яркие цвета американского флага все еще горели перед этим домом. Это был дом патриота, и звезды и полосы все еще вызывающе висели у входа, словно Он все еще был здесь. Майки это бы понравилось.

Мы все остановились на несколько мгновений и потом поднялись на несколько ступенек по небольшому крыльцу и постучали в дверь. Она была милой, та женщина, которая открыла нам, — с длинными темными волосами и глазами, в которых уже блестели слезы. Его мать.

Она знала, что я был последним человеком, который видел его живым. И она подняла на меня глаза с выражением такой глубокой скорби, что этот взгляд разорвал мне сердце. Женщина тихо сказала: «Спасибо, что приехали». Я, приложив колоссальное усилие воли, ответил: «Я стою здесь только благодаря вашему сыну».

Когда мы вошли внутрь, мой взгляд тут же упал на стол в гостиной, где стояла в рамке фотография парня, глядящего прямо на меня с полуулыбкой на губах. Это был Майки, и я тут же услы-

шал приглушенный вопрос его мамы: «Он страдал? Пожалуйста, скажите, что нет».

Мне пришлось провести рукавом куртки по глазам, прежде чем ответить. Но все же я ответил. «Нет, Морин. Нет. Он умер на месте».

Но я сказал ей лишь то, что она хотела услышать. Такой тактичный ответ становился обязательным в арсенале единственного оставшегося в живых человека.

Я пытался рассказать ей о непоколебимой храбрости ее сына, о его силе духа, о железной воле. Как я и ожидал, она, казалось, еще не осознала всего произошедшего. До тех пор, пока я сам все не рассказал. Я был очевидцем, принесшим единственно верные и окончательно ужасные вести.

В течение следующего часа мы пытались говорить как взрослые, все понимающие люди. Но это было очень сложно. Так много можно было сказать друг другу, и еще больше никогда не будет сказано. Тут поддержка ни трех моих друзей, ни пожарного из Нью-Йорка, ни полицейского, который приехал с нами, никак не могла мне помочь.

Но это путешествие я обязан был предпринять. Я пообещал себе, что завершу его, чего бы это ни стоило, потому что знал, что мое присутствие будет много значить для каждого из этих людей. Я знал, как важно поделиться своими страданиями с человеком, видевшим все своими глазами. Я ездил не просто от одного дома к другому, но от одной скорби к другой.

Я считал это своим священным долгом. Но легче от этого не становилось. Морин обняла всех нас на прощание. Я сдержанно кивнул фотографии своего лучшего друга, и все мы вышли по маленькой тропинке на улицу.

Вечером будет еще хуже, ведь мы направлялись в Нью-Йорк, к невесте Майка, которую звали Хизер. Все это так ужасно несправедливо. Сейчас они были бы уже женаты. На следующий день я поеду на Арлингтонское национальное кладбище, чтобы посетить могилы еще двух моих почивших друзей.

Это было дорогое, долгое и очень грустное путешествие по Соединенным Штатам Америки, и оплачивала его организация, на которую я работал. Так же, как я, люди в этой организации все понимали. Об этой компании, как и о многих больших корпорациях, работники которых настолько преданы своему делу, можно однозначно судить по принятой в ней корпоративной философии, если можно так сказать — по их собственной Конституции.

Это документ, который определяет положение работников организации и ее стандарты. Несколько лет я пытался основывать

свои жизненные принципы на первом открывающем пункте нашей философии:

«Во времена неуверенности в будущем вперед выступают особые воины, которые готовы ответить на национальный призыв. Это обычные люди с невероятным желанием победить. Закаленные бедствиями, они состоят в рядах самых лучших оперативных подразделений Америки, готовые служить своей стране и американскому народу, защищать их образ жизни. Я — один из них».

Меня зовут Маркус. Маркус Латтрелл. Я командир 1-й роты SDV, взвода «Альфа», спецподразделения Военно-морского флота SEAL Соединенных Штатов Америки. Как и все сотрудники спецслужб, я обучен работать с оружием, взрывчатыми веществами и обладаю навыками рукопашного боя. Я снайпер и медик в своем отряде. Но самое главное: я — Американец. И когда наступит час, я пойду сражаться за свою страну и своих товарищей. Если придется, отдам за них свою жизнь.

Я сделаю это не потому, что меня так обучали, но потому, что я сам этого хочу. Я патриот, я сражаюсь с Флагом Одиноким звезды — флагом Техаса — на правом предплечье и таким же флагом в сердце. Для меня поражение неприемлемо.

Майки погиб летом 2005 года, сражаясь плечом к плечу со мной на горных перевалах Северо-Восточного Афганистана. Он был лучшим офицером, которого я знал, железным воином и показал колоссальную, невероятную смелость перед лицом врага.

Двое парней, которые могли бы это подтвердить, еще двое моих товарищей сражались вместе с нами и тоже там погибли. Дэнни и Акс: два американских героя, две выдающиеся личности боевых сил США, где доблесть — известное достоинство. Их жизни являются доказательством основного пункта философии офицеров SEAL ВМС США:

«Я никогда не брошу свое дело. Я буду упорно трудиться, переносить все выпавшие на мою долю испытания. Мой народ ждет, что я буду физически выносливее и морально устойчивее, чем мой враг. Если меня сразят, я снова встану. Я соберу все остатки сил, чтобы защищать моих товарищей, чтобы завершить свою миссию. Я никогда не перестану бороться».

Как я уже говорил, меня зовут Маркус. И я пишу эту книгу из-за трех моих друзей — Майки, Дэнни и Акса. Если я не напишу ее, никто и никогда не поймет той невероятной храбрости этих троих американцев перед превосходящими во много раз силами противника. А это будет великая трагедия.

ГЛАВА 1

В Афганистан... на летающем складе

Настало время отомстить за Башни-близнецы. Теперь мы охотились на тех, кто это сделал. И если не на реальных виновников, то по крайней мере на их кровных братьев, на их сумасшедших единомышленников, которые все еще желали нам смерти и могли попробовать снова нас атаковать.

Прощания «морских котиков» обычно длятся недолго. Легкий хлопок по спине, дружественные медвежьи объятия. Никто не произносит вслух того, о чем думает каждый.

Вот опять, ребята, мы собираемся на войну, в еще одну горячую точку, к еще одному врагу, который решил попытаться счастья, выступив против нас... Эти ребята, наверное, спятили.

Это отличительная особенность «морских котиков» — наша особая атмосфера непобедимости, негласный кодекс элитных воинов Вооруженных сил Соединенных Штатов. Мы сильные, ловкие, хорошо натренированные ребята, вооруженные до зубов, мы — эксперты в рукопашном бою, такие скрытные и осторожные, что никто никогда не услышит нашего приближения. «Морские котики» — мастера стратегии, отличные стрелки, которые мастерски обращаются с автоматами и, если необходимо, великолепно управляют с ножами. В общем и целом мы искренне верим, что существует очень мало мировых проблем, которые нельзя решить с помощью приличного количества взрывчатки и метко выпущенной пули.

Мы действуем на море, в воздухе и на суше. И из этого состоит наше имя — SEa, Air, Land — U. S. Navy SEALs под водой, на воде и вдалеке от воды. Да, друзья, мы все это можем. И теперь мы

направлялись в место, которое находилось совсем далеко от воды. Мягко говоря. Безлесный горный ландшафт, больше похожий на марсианский, возвышается на три тысячи метров над уровнем моря в одном из самых пустынных и порой в самом незаконном месте на Земле. В Афганистане.

«Пока, Маркус», «Удачи, Майки», «Не принимай близко к сердцу, Мэтт», «Увидимся, парни», — я помню все, будто это было вчера. Кто-то открывает дверь из нашей комнаты в казармах, свет из нее врывается в теплую темную ночь Бахрейна — этого странного пустынного королевства, которое соединено с Саудовской Аравией трехкилометровым мостом короля Фахда.

Шестеро ребят, одетых в легкое походное снаряжение — неприемлемую форму цвета хаки и штурмовые берцы «Окли», — шагнули на улицу навстречу легкому теплему ветерку. Шел март 2005 года, и пока здесь не было той адской жары, которая обычно наступает летом. Тем не менее было необычайно тепло для весенней поры, и особенно для группы американцев — даже для техасца, коим я являюсь. Бахрейн находится на 26° северной широты. Это около шестисот пятидесяти километров к югу от Багдада, и здесь очень жарко.

Наше подразделение было расположено на южной стороне его столицы Манамы в дальнем северо-западном уголке острова. Это означало, что нас должны были перевезти прямо через центр города на воздушную базу США на острове Мухаррак, которая использовалась для всех полетов из Бахрейна и обратно. Мы были не против, но все же едва ли были рады этой перспективе.

Лишь небольшой отрезок нашего пути, может, всего около восьми километров, проходил по городу, жители которого считали так же, как и мы. Местные нас не жаловали. У них всегда был сердитый и угрюмый вид, словно им до смерти надоело, что вокруг снуют американские военные. В Манаме даже были районы, известные как «кварталы черного флага» — здесь торговцы, владельцы магазинов и частные граждане вешали черные флаги на порогах своих домов и лавок, и это обозначало: «Американцам здесь не рады».

Я думаю, это было похоже на «Juden Verboten» или «Евреям вход запрещен» в гитлеровской Германии, пусть и не настолько категорично. По всему арабскому миру витали течения ненависти, и мы знали, что среди местных было много сочувствующих мусульманским экстремистским фанатикам «Талибана» и «Аль-Каиды». Черные флаги работали. Мы старались держаться подальше от этих мест.

Тем не менее нам пришлось проехать через город на незащищенном автомобиле через очередной мост «Шейх Хамад», названный в честь эмира. Здесь строят очень большие по протяженности мосты, и думаю, что их будут строить еще больше, — ведь рядом расположены тридцать два острова поменьше, формирующие низинный Бахрейнский архипелаг рядом с западным побережьем Саудовской Аравии в Персидском заливе.

Так или иначе, мы проехали через Манаму на Мухаррак, где к югу от главного международного аэропорта Бахрейна находилась воздушная база США. Там нас ждал огромный «С-130 Hercules» — гигантский турбовинтовой грузовой самолет. Это одно из самых шумных воздушных судов в мире — просто большая грохочущая металлическая пещера, специально сконструированная для перевозки сверхгабаритного груза, и уж точно не для таких чувствительных, утонченных и нежных бездельников, как мы.

Мы загрузили и упаковали все необходимое снаряжение: крупнокалиберные автоматы, карабины М4, 9-миллиметровые пистолеты SIG-Sauer, боевые ножи, патронташи, гранаты, медицинское оборудование и устройства связи. Двое парней забрались в гамаки, сделанные из толстой сети. Остальные примостились на сиденья, тоже сделанные из сети. Это был далеко не бизнес-класс. Но «коттики» не путешествуют налегке, так что они не ожидают комфорта. Кстати, все здесь были «морскими котиками».

Мы застряли на этом летающем складе в довольно примитивной форме перевозки пассажиров, так что периодически кто-нибудь отпускал неодобрительный возглас или хмуро ворчал. Но если бы мы вшестером попали в какую-нибудь богом забытую дыру на поле боя, мокрые, промерзшие до костей, раненые, загнанные в ловушку, едва борющиеся со страхом за свою жизнь, мы бы не проронили ни звука. Так устроено наше братство. Это строго американское братство, выкованное на крови. Невероятно суровое и нерушимое. Построенное на общем чувстве патриотизма, на отваге и вере друг в друга. В мире нет ни одной боевой силы, похожей на эту.

Экипаж самолета проверил, все ли мы пристегнуты, и тут же взревели громогласные двигатели производства «Boeing». Боже, этот шум был ужасен. Наверное, проще было сидеть прямо в коробке передач. Весь самолет трясся и гремел, пока мы неслись по взлетной полосе на юго-запад, прямо навстречу пустынным ветрам, которые кружили на всей территории Аравийского полуострова. С нами больше не было пассажиров — только экипаж